

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Ю. Ю. Карнов, заведующий отделом этнографии Кавказа Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), доктор исторических наук, г. Санкт-Петербург

Для жителей горных местностей Северного Кавказа проблема малоземелья на протяжении столетий была одной из болезненных, а обретение земель на равнине (плоскости) являлось актуальным вопросом. Среди населения центральных районов Северного Кавказа данный вопрос стал решаться после начала утверждения в регионе политической власти России, т. е. с конца XVIII в. В свое время советская власть в собственных целях делала ставку именно на решение указанной проблемы. «Горские массы, – заявлял Г. К. Орджоникидзе, – в прошлом являлись экономически обездоленными, и, чтобы сделать их союзниками Советской власти, необходимо было наделить их землей»¹. В итоге, во второй половине 1920-х гг. население горных районов Северной Осетии составляло уже только 14% от общего числа жителей данной республики, тогда же 80% ингушей обосновалось на равнине².

Иначе происходили аналогичные изменения в Дагестане. Притом, что размеры пахотных наделов населения дагестанского среднегорья (даргинские, лакские, большая часть аварских районов), в хозяйственной деятельности специализировавшегося на земледелии, были практически такими же, как в Осетии и Ингушетии, стремления местных горцев к переселению на равнину не наблюдалось. (В горных районах Осетии средний

¹ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 130.

² Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе, 1980. С. 225; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2. С. 105.

надел пахотной земли на хозяйство не превышал 0,54 десятины³ в горной Ингушетии в начале XX в. этот показатель составлял 0,3 дес.⁴ Пахотные наделы дагестанского среднегорья колебались в пределах 0,2-0,4 десятины земли на одно хозяйство⁵.) Автор газетной публикации начала XX в. сетовал на земляков-дагестанцев за то, что не в пример осетинам, ингушам и чеченцам, уже «спустившимся на плоскость, которая дает более обеспеченное существование», они «остались верны своим горам и до сих пор не сделали попытки переселиться на более выгодные места»⁶. Через треть века ситуация почти не изменилась. Расул Гамзатов, имея в виду положение дел в середине XX в., эмоционально замечал в «Моем Дагестане»: «Предложите горцу переселиться на равнину... и он воспримет ваше предложение как оскорбление». На лозунг: «Вылезем из каменных мешков и поселимся на цветочных полянах», горцы отвечали: «Если даже цепями потащите, не пойдем на плоскость!», «Мы как гвозди вколочены в эти скалы. Никто не имеет права вытаскивать нас из наших гнезд» и т. п.⁷

Как следствие означенного, во всех равнинных округах Дагестанской АССР в середине 1920-х гг. насчитывалось лишь 2,5 тыс. горцев – аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и др. или 2% населения равнины⁸. И это даже после того, как в 1923 г. был принят и начал реализовываться план переселения горцев с расчетом вовлечь в него до 10 тыс. чел. и организовать 20 переселенческих поселков⁹.

Зато в настоящее время ситуация выглядит совершенно по-другому. К началу 1980-х гг., в частности, аварцы прочно обосновались в северной равнинной и предгорной зонах республики, составив 1/4 населения Кизлярского, 2/3 населения Кизилюртовского и по 1/3 населения Буйнакского и Хасавюртовского р-нов¹⁰. В эти годы они являлись большинством населения уже в порядка 100 населенных пунктах равнинной зоны¹¹. К концу XX в. аварцы составляли 80% жителей Кизилюртовского р-на, более 38% населения Хасавюртовского, 22% населения Бабаюртовского р-нов (в этих районах в последние столетия основным населением являлись кумыки), а

³ Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд. М., 1971. С. 71.

⁴ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала, 1996. С. 138.

⁵ Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С. 37.

⁶ Даргинец. Несколько слов о поземельном устройстве дагестанцев // Дагестан. Обл. вед. 1913. № 3.

⁷ Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала, 1987. С. 261-262.

⁸ Народы Дагестана / Под ред. С. А. Арутюнова, А. И. Османова, Г. А. Сергеевой. М., 2002. С. 41.

⁹ Самурский Н. Дагестан. М.; Л., 1925. С. 101-102.

¹⁰ Ибрагимов М.-П.А. Некоторые аспекты современной этнической географии Дагестана // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 6.

¹¹ Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М., 1988. С. 32.

с учетом проживавших там же переселенцев из горных районов других национальностей, процент горцев, обосновавшихся на равнине, был еще более значительным¹². Таким образом, за полвека в этнодемографической картине Дагестана произошли существенные изменения.

Кратко охарактеризую ход развития изменений. Для создания реальных возможностей по организации переселений горцев (а такая программа являлась приоритетной в политике советского руководства в Северокавказском регионе) в состав Дагестанской республики в 1920 г. был включен Хасавюртовский, в 1922–1923 гг. – Кизлярский и Ачикуллакский округа, что существенно увеличило ее земельный фонд, и именно после этого был принят упомянутый государственный план переселения. Однако его реализация столкнулась с конкретными трудностями: малярия выгоняла горцев – жителей вновь образованных на равнине поселков обратно в горы (большинство из них возвращалось, другие переселялись на летний период). Горцы не хотели жить в поселках с многонациональным составом населения (а именно такой вариант организации новых поселений предусматривался планом)¹³. Однако не менее, а может быть даже и более значимой, и столь же объективной трудностью в организации переселения, оказался культурно-психологический фактор, отражавшийся в настроениях людей, которые образно передал Расул Гамзатов.

Центральные органы власти страны не удовлетворял ход выполнения его решений по переселению местных горцев. В 1930 г. были выделены значительные денежные средства на реализацию плана земельно-водной реформы, согласно которому в Дагестане следовало переселить в равнинные районы, расселить в горах и перевести на оседлость (кочевых ногайцев) до 40–50 тыс. чел. В практике переселения стал использоваться опыт так называемых *казмаляров*. Овцеводы со скотом спускались на равнину, там они отстраивались, производили запашку и «таким образом постепенно экономически связывались с равниной, а затем и вовсе обосновывались на освоенных землях»¹⁴. В последующем эта модель получила развитие в так называемых *прикутаных хозяйствах*.

В 1944 г. в связи с депортацией чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан в предгорные районы Чечни были переселены жители 224 селений (из них 114 – расселены полностью и 110 – частично) из 21 высокогорного района Дагестана¹⁵. Переселение осуществлялось в принудительном порядке, значительных последствий в рассматриваемом отношении оно не имело, так как большая часть вовлеченных в него жителей горных районов после 1956 г. вернулась в родные места, другие обосновались в го-

¹² Подсчитано по: Республика Дагестан. Административное устройство, население, территория (60-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.): Статистический справочник. 2001. С. 168-173.

¹³ Османов А. И., Гаджиев А. С., Искендеров Г. А. Из истории переселенческого движения и решения аграрного вопроса в Дагестане. Махачкала, 1994. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 15, 101.

¹⁵ Народы Дагестана. С. 42.

родах и рабочих поселках республики, и лишь незначительная доля поселилась в сельской местности равнинной зоны.

В 1951 г. на союзном, а потом и республиканском уровне были приняты новые решения по переселению, которые реализовались на протяжении более 20 последующих лет. Намечалось переселить из горных районов свыше 70 тыс. хозяйств, около половины из них использовать в промышленности¹⁶. Значительная часть населения большого числа аварских, лакских, даргинских и лезгинских высокогорных селений в основном вынужденно, а частью добровольно, переселялась на *кутаны* (зимние пастбища с дополнительными земельными наделами для ведения комплексного хозяйства) своих колхозов и совхозов, которые располагались в равнинных районах республики (Бабаюртовском, Хасавюртовском, Дербентском, Магарамкентском и др.), но многие поселялись и в городах¹⁷.

В ходе реализации планов переселения в горных местностях была снята острота земельного вопроса и трудодефицитности, переселенцам же предоставлены возможности для широкомасштабной экономической деятельности в новых условиях. Общее число горцев, вовлеченных за все эти годы в переселенческое движение, колеблется в диапазоне от 200 до 300 тыс. чел. Для них было организовано 76 новых населенных пунктов (при этом многие размещались и в существовавших селах), создано более 100 совхозов и колхозов¹⁸. Однако вновь обосновавшимися на постоянное жительство горцами не ограничивался весь круг вовлеченных в переселенческое движение. Расположенные на плоскости *кутаны* или *прикутаные хозяйства* «собирали» в себе значительные массы горцев, притом, что их жители продолжали числиться за сельскими администрациями горных аулов. В итоге, через официальную статистическую отчетность «можно было получить искаженно-комическое представление о наличии на кутанах определенного поголовья личного скота, школ и лечебных заведений – при полном отсутствии там постоянных жителей»¹⁹. Люди в прикутаных хозяйствах могли периодически сменяться, однако контингент населения там всегда был значительным и составлял от 1/5 до 1/2 населения горных аулов²⁰.

Плановое переселение горцев (их число в 1966 и в 1970 гг. значительно пополнили многие тысячи человек, пострадавших от произошедших тогда землетрясений) начало сворачиваться к концу 1970-х и в первой половине 1980-х гг. (центральные и южные районы равнинной зоны рес-

¹⁶ Полян П. М. Население и системы расселения горных регионов СССР // Горные территории: рациональное природопользование, хозяйственное освоение и расселение. М., 1988. С. 143.

¹⁷ Ибрагимов М.-Р. И. Народы Дагестана в XX в. // Расы и народы. М., 1991. Вып. 21. С. 117.

¹⁸ Османов А. И., Гаджиев А. С., Искендеров Г. А. Из истории переселенческого движения. С. 19-21.

¹⁹ Полян П. М. Население и системы расселения. С. 135.

²⁰ Там же. С. 136.

публики к этому времени перестали быть трудodefицитными и, наоборот, становились трудоизбыточными). Зато тогда же набрало изрядную силу неорганизованное переселение, главным образом молодых людей, познакомившихся с жизнью «большого мира» через армию и т. п. Неорганизованное переселение горцев на равнину, и в довольно больших масштабах, происходит в Дагестане и ныне. Оно лишь временно заморозилось в начале 1990-х гг., когда страну в целом охватили обвальные политические и экономические неурядицы.

Тогда выживать оказывалось реальнее в сельской местности, так что для новоиспеченных горожан Дагестана было резонно возвращаться к себе на родину или обосновываться в «чужой» сельской местности (для горцев это в значительной степени были равнинные районы), что они и делали. В 1989-2001 гг. в Дагестане наблюдалось уменьшение общего числа горожан – явление, не имевшее аналогов в современной России²¹. К настоящему времени ситуация вновь изменилась.

На годы экономического и политического кризиса пришелся пик миграций титульных дагестанцев в республику из мест, где они обосновались ранее – из Средней Азии, Азербайджана, Чечни и т. д., – но которые, в силу известных обстоятельств, в первой половине 1990-х гг., они вынуждены были оставить. Только в 1994 г. в Дагестан приехало более 25 тыс. чел. (без учета лиц чеченской национальности, которых переселилось в Дагестан несколько десятков тысяч человек). В тот год прирост населения Дагестана, как субъекта РФ был на 2-м месте после Краснодарского края, а по приросту числа сельских жителей Дагестан тогда не имел себе равных²².

Впрочем, и в этот критический год количество выехавших из республики представителей титульных народов превышало количество въехавших в нее, только география миграций изменилась – теперь это были внутренние регионы России. После 1996 г. сальдо миграции приобрело однозначно отрицательное значение, т. е. выезжающих стало больше чем въезжающих²³. Однако все это частности в «глобальном» процессе переселения дагестанских горцев на равнину. Обозревая последствия такого на период второй половины XX в., можно отметить следующее.

По сравнению с большей частью Северного Кавказа процесс массового переселения жителей горных районов Дагестана на плоскость начался на столетия позднее, но во второй половине – конце XX в. обрел значительную динамику и масштабность, и в итоге оказался важным фактором социально-экономической, политической и этносоциальной жизни республики.

Последствиями данного процесса для горных районов стала их депопуляция, утрата пригодных для сельскохозяйственного использования угодий

²¹ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Материалы междунар. науч. конф. «Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе». Ставрополь, 2003 / <http://anthropotok.archipelago.ru>.

²² Там же.

²³ Там же.

(по оценке геоморфологов, горные террасы, «предоставленные сами себе», через 10-20 лет после их забрасывания начинают утрачивать противозерозионную функцию)²⁴, а также общий упадок хозяйства горных районов, так как от 80 до 95% экономики горных колхозов и совхозов в середине 1980-х гг. обеспечивалось их равнинными «филиалами» – прикутанскими хозяйствами²⁵. В этих условиях горные хозяйства стали выполнять лишь функции сырьевых баз (летних пастбищ), а общим следствием всего указанного стало разрушение самобытной горской культуры.

Для равнинных территорий последствия реализации переселенческой политики выразились в том, что во второй половине XX в. выходцы из горных районов в большом количестве и прочно обосновались в равнинных районах Дагестана; цифры приведены выше. Причем необходимо учитывать, что подобные цифры не в полной мере отражают реальную ситуацию, так как десятки тысяч человек, живущих в поселках прикутанских хозяйств, продолжают числиться за административными единицами горных районов.

В те же годы в сезонные миграции (в частности, уход на заработки в зимнее время) было вовлечено по официальным данным 30 – 40 тыс. чел.²⁶, в 2000 г. их количество превысило отметку в 50 тыс. чел.²⁷. Однако на деле, скорее всего, их было намного больше. Согласно официальным данным, в 1989 г. в Российской Федерации вне пределов Дагестана проживало 222 тыс. дагестанцев, а вне РФ и в пределах страны – 315 тыс. чел.²⁸

По причине этнографической специфики Дагестана – его особой полиэтничности – любые, а тем более столь значительные подвижки населения, не могли не отразиться на атмосфере межнациональных отношений. Хотя в официальных отчетах значилось, что переселенцы освоили 60 тыс. га целинных земель²⁹, однако последние вовсе не были ничейными – они являлись частями территорий кумыков, ногайцев, русских, «традиционно» или издавна проживающих в равнинных районах Дагестана. А к «территориям», осознаваемым как «свои», у жителей Кавказа отношение трепетное. Пусть даже это будут пустоши – «запас карман не тянет». Благоприятные условия, созданные для горцев-переселенцев: выделение нередко значительно больших, чем у жителей кумыкских аулов, земельных участков, льготы налогообложения, сохранявшиеся за переселенцами на протяжении десятилетий, а также переселение кумыков из пригородов Махачкалы в Хасавюртовский р-н на место депортированных чеченцев при одновременном заселении освобожденных ими территорий горцами и др. – вызвали обоснованное недовольство кумыкской общественности.

²⁴ Полян П. М. Население и системы расселения. С. 171.

²⁵ Там же С. 165.

²⁶ Сергеева К. П. Особенности миграции населения горных районов (на примере Дагестана) // Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988. С. 183.

²⁷ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане.

²⁸ Народы Дагестана. С. 15.

²⁹ Полян П. М. Население и системы расселения. С. 145.

На рубеже 1980–90-х гг. недовольство последней, представленной Кумыкским народным движением «Тенглик» (Равенство), оформилось в политическую цель восстановления прав на ранее принадлежавшие кумыкам земли и даже выход Кумыкии из состава Дагестана. На волне активно переживавшегося роста этнического самосознания в программных требованиях «Тенглика» было заявлено о «сохранении экономически и демографически целесообразного образа жизни кумыкского населения, а также среды обитания; прекращении массового переселения (выходцев из горных районов – Ю. К.) в Кумыкию, и о возврате незаконно изъятых земель их законным хозяевам». Как было заявлено, земельные угодья кумыкского народа, восполненные и защищенные от новых посягательств со стороны, должны были стать базой «восстановления всех структур этнизации»³⁰.

Подобные заявления отчасти стимулировались появившимися в Дагестане в конце 1980-х гг. провокационными листовками, в которых от имени «коренных дагестанцев» высказывалось требование к «инородцам» – русским, евреям и кумыкам – покинуть Дагестан.

Как в данный ряд попали кумыки? Определяющую роль в этом сыграла их тюркоязычность. Несмотря на то, что комплекс традиционных устоев жизни кумыков органично вписывается в контекст горско-кавказской культуры, кавказоязычными дагестанцами кумыки воспринимаются «не (вполне) своими», «не (вполне) кавказцами» и «негорцами», что обыгрывается в качестве культурного маркера. На бытовом уровне циркулируют характерные истории, и они по-своему подогревают страсти во взаимоотношениях между кумыками и горцами-переселенцами. Для примера сошлюсь на рассказ информатора-аварца о том, что он якобы слышал по телевидению от выступавшего некоего профессора. В далеком прошлом аварцы якобы жили на равнине, там, где сейчас проживают кумыки, кумыки же пришли с Алтая (прародины тюрков. – Ю. К.) и потеснили аварцев в горы; в свое время у аварцев была империя (очевидно, именуется в виду авары первых столетий новой эры, которые не имеют отношения к аварцам Дагестана. – Ю. К.), огромная по размерам – ее границы доходили до Румынии, и настолько мощная, что Азербайджан платил ей дань. В свою очередь, идеологи движения «Тенглик», репрезентируя собственный народ, явно дистанцируют его от кавказцев, называя правопреемником населения Гуннии и Хазарии, а одним из главных принципов своего движения называют тюркизм³¹. Впрочем, подобная самоидентификация, а также заявления «оппонентов» не мешают представителям кумыкского общественного движения вписывать свой народ в «кавказский общий дом» и решительно отстаивать в нем свои права.

Занесение в списки «инородцев» Дагестана евреев и русских внешне выглядит более обоснованным. Однако местные евреи, это преимущест-

³⁰ Кумыкское народное движение «Тенглик». Материалы и исследования. / Сост. и ред. К. М. Алиев. Махачкала, 1996.

³¹ Там же. – С. 15, 90.

венно горские евреи, чья укорененность на местной земле и в кавказской культуре и истории только у лиц, непосвященных в оные, может вызывать сомнения. Вместе с тем, социальная и политическая обстановка второй половины 1980-х и первой половины 1990-х гг. не только в РД, но в стране в целом, а также открывшиеся тогда же возможности для эмиграции преопределили столь значительный выезд горских евреев (как и других групп евреев) в Израиль, что ныне стоит вопрос о существовании данной этнической группы в Дагестане (если в 1959 г. численность горских евреев там превышала 16 тыс. чел., то, по данным переписи 2002 г., она составила лишь 1,1 тыс. чел.; численность евреев европейских в те же годы в республике составляла соответственно: 5,2 и 1,5 тыс. чел.).

Контингент русского населения на территории современного Дагестана формировался на протяжении веков. Один из начальных этапов его сложения связан с историей Терского казачьего войска. На вторую половину XIX и начало XX в. пришелся пик крестьянской колонизации Предкавказья, когда выходцы из центральных районов России массово обосновывались в Кизлярском у. Терской области и Хасавюртовском окр. Дагестанской области, и в итоге придали экономике края значительную динамику за счет производства товарного хлеба. Начиная с 1920-х гг., прирост русского населения в республике обуславливался потребностями индустриализации, так что увеличение численности этой группы населения Дагестана в основном происходило за счет приезда квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. В 1959 г. численность русских в Дагестане превысила 200 тыс. чел., они были на втором, после аварцев, месте в списке народов республики, составляя по количеству жителей пятую часть всего ее населения. В последующие десятилетия численность русских в Дагестане в абсолютных цифрах и в процентном отношении постоянно уменьшалась ввиду отсутствия новых волн мигрантов, старения населения и низких показателей его естественного прироста. В 1960-1970-е гг. проявилась и тенденция к выезду русского населения из республики, а в следующее десятилетие выезд русских стал уже очевидным фактом. Молодежь из сельской местности искала более комфортные условия жизни, впрочем, уже в те годы приходилось слышать сетования на выживание русского населения из Кизлярского и Тарумовского р-нов (где в то время русские составляли большинство населения) «дагестанцами». Кризисные явления второй половины 1980 – первой половины 1990-х гг. в Дагестане оказались по-особенному болезненными, и русское население стало активно покидать республику. Давали о себе знать и антирусские настроения в местном обществе, которые хотя и не доминировали в нем, однако отныне звучали открыто, особенно в период Чеченских войн и роста кавказофобских настроений в центральной России. Квартирный рэкет в городах и его варианты в сельской местности (а именно к ним апеллирует обывательское мнение), общий рост преступности и т. д. привели к тому, что выезд русского населения за пределы Дагестана приобрел массовый харак-

тер. К 2002 г. русских в РД насчитывалось чуть больше 120 тыс. чел., но к этому времени и их выезд значительно уменьшился.

В 2006 г., соотношение национальных компонентов населения в «традиционно» русских районах было следующим (данные федеральной службы Госстатистики по РД). Кизлярский р-н: общее количество населения – 61,5 тыс. чел.; из них: русских – 10,5 тыс. чел. (17,1%), аварцев – 25,3 тыс. чел. (41,2%), даргинцев – 11,0 тыс. чел. (17,9%), кумыков – 0,9 тыс. чел. (1,4%), ногайцев – 3,9 тыс. чел. (6,4%). Тарумовский р-н: общее количество населения – 29,9 тыс. чел.; из них: русских – 6,9 тыс. чел. (23,0%), аварцев – 10,0 тыс. чел. (33,4%), даргинцев – 6,6 тыс. чел. (22,2%), кумыков – 0,4 тыс. чел. (1,2%), ногайцев – 2,4 тыс. чел. (8,2%).

Впрочем, изложенные выше причины выезда русского населения из Дагестана больше характеризуют картину развития данного процесса в социолого-политическом ракурсе. Но данное явление (или процесс) в рассказах людей, вовлеченных в него или сопричастных ему, предстает без лишнего драматизма, хотя и с очевидно испытываемой ими горечью. Приведу два примера по Кизлярскому р-ну.

Совхоз «Кизлярский» непосредственно граничит с городом Кизляр. В советское время это было крупное и процветающее (состоявшее из 6 отделений и 9 поселков) виноградарское и винодельческое хозяйство, производившее знаменитые коньяки и вина. Работать в совхоз привлекали со всей страны, его коллектив был молодежным. Совхоз строил дома на две семьи и двухэтажные многоквартирные дома; отработав в хозяйстве 10 лет, рабочие получали ведомственное жилье в собственность. Во второй половине 1990-х гг., в разгар антиалкогольной кампании, большинство посадок технических сортов винограда было уничтожено, вместо них высадили столовые сорта, из которых предполагалось изготавливать соки. Однако новое производство не стало рентабельным. Площади виноградников неизменно сокращались. По оценке людей переживших «сложные» времена, большой и фактически непоправимый удар по хозяйству нанесла приватизация жилья. Когда производство стало приходить в упадок, и заработки снизились, приватизированное жилье можно было продать и на вырученные деньги жить либо переехать в другое место (как правило, выезжали за пределы Дагестана, потому что во время Чеченских войн активно циркулировали разговоры о выходе Дагестана из состава РФ). Выезд начал приобретать массовый характер, а продавали жилье «горцам».

По соседству с поселками совхоза «Кизлярский» еще в довоенное время появились прикутаные хозяйства аварцев из селений Гунибского р-на, в послевоенный период они были объединены в межхозяйственное предприятие «Дагестанский», и именно оттуда в 1970-е гг. в поселках «Кизлярского» появились первые переселенцы. Местные русские отмечают, что переселенцы относительно быстро адаптировались в новой для себя среде, приняв порядок быта старожилов. Следующая волна переселенцев появилась здесь в связи с вытеснением так называемых кварельских аварцев из

Грузии на рубеже 1980-1990-х гг. На начало и середину последнего десятилетия XX в. пришелся пик приватизации совхозных квартир в «Кизлярском», и тогда же местные русские легко продавали жилье, покидали здешний край. В местных похозяйственных книгах зафиксированы не только данные о времени приватизации квартир и их продажи приезжим (массово уже во второй половине 1990-х гг.), но и возраст покупателей, как правило, 30-40-летних переселенцев из горных районов республики. Русский «старожил» «Кизлярского» рассказывает: «Горцы не привередливы в одежде, пище. Каких-либо откровенных неприятностей не причиняют. Но горец, ставший начальником, тянет за собой в окружение родственников. Когда их мало, они подстраиваются под окружающее большинство, но когда их становится много, то навязывают свой образ жизни, поведения окружающим. Где зацепился один, там вскоре будет много горцев. Их отличает спайка, ты можешь дружить с ним, но как только появится его земляк, так сразу он принимает его сторону, даже если позиция последнего ему не нравится». Русские женщины жалуются на то, что ходить по улицам стало неприятно – мужчины-дагестанцы, даже подростки «раздевают» взглядом, отпускают словесные вольности.

Особенно остро и даже болезненно подобные негативные последствия совместной жизни стали проявляться в последние годы, после закрепления в местных поселках переселенцев последней волны, в основном выходцев из самых отдаленных горных районов – Цумадинского и Цунтинского. «Даргинцы по сравнению с аварцами, цумадинцами более культурные, более терпимые... Плохая атмосфера – мальчишка залез в огород, забрался на вишню. Его согнали с дерева, а он кричит в ответ, что все равно дерево будет его, так как русские скоро уедут отсюда. И в 1990-е гг. дагестанцы говорили – через 10 лет вас здесь не будет... Для горцев основное – скот, а скоту нужны пастбища, соответственно, вместо виноградников; сейчас скота больше, чем прежде было виноградников... Когда появился скот пошли потравы виноградников. Пытались на правительственном уровне решить вопрос об ограничении в этой местности скота. Но ничего из этого не вышло. В настоящее время большую часть совхозных земель по участкам арендуют горцы, они выращивают болгарский перец, помидоры, синенькие, а винограда стало совсем мало (по его оценке, от прежних 1 тыс. га в настоящее время виноградники вряд ли занимают площади более 30 га)». Сам информатор желает уехать с Кизлярщины к себе на родину в Орловскую обл., однако упавшие в последнее время цены на дома и особые семейные обстоятельства пока удерживают. А его жена к этому добавляет, что недавно отказала одной дагестанке в продаже дома (по неплохой цене) из-за того, что та, даже еще не купив дом, заявила, что вырубит плодовые деревья и уничтожит палисадник (вместо палисадников дворы у новых хозяев асфальтируются). Хозяйку все это страшно возмутило, а мужу она сказала, что не сошлась с покупательницей в цене. Летом 2007 г. по поселкам «Кизлярского» ходил некий менеджер, скупавший недвижимость. Полагают, что делал он это под скорое переселение сюда бот-

лихцев (жители горного селения Ботлих в компенсацию за строительство на их территории военного городка поставили перед республиканской и федеральной властью вопрос о выделении им земель на плоскости, и на это, как полагают, им должны быть выделены деньги)³². Тогда купленная сейчас недвижимость значительно вырастет в цене.

В завершение этого примера справка о национальном составе населения муниципального образования «Кизлярская сельская администрация» по состоянию на 1 января 2007 г.

Пос. Пригородный: всего жителей 392 чел., из них русских – 136, аварцев – 43, цахуров – 60, даргинцев – 36, табасаранцев – 43, рутульцев – 12, кумыков – 15 и т. д.;

пос. Юбилейный: всего жителей 756 чел., из них русских – 537, аварцев – 81, даргинцев – 41 и т. д.;

пос. Новый: всего жителей 243 чел., из них русских – 56, аварцев – 110, лакцев – 16, цахуров – 29 и т. д.;

пос. Мирный: всего жителей 101 чел., из них: русских – 18, аварцев – 2, цахуров – 71 и т. д.;

пос. Садовый: всего жителей 179 чел., из них русских – 10, аварцев – 60; лакцев – 12, цахуров – 50, даргинцев – 22, табасаранцев – 11 и т. д.;

пос. Школьный: всего жителей 665 чел., из них: русских – 193, аварцев – 331, лакцев – 17, цахуров – 18, даргинцев – 17, табасаранцев – 10 и т. д.;

пос. Пролетарский, всего жителей 329 чел., из них русских – 134, аварцев – 103, лакцев – 14, цахуров – 18, даргинцев – 17, табасаранцев – 10 и т. д.;

пос. Октябрьский: всего жителей 310 чел., из них русских – 38, аварцев – 247, лакцев – 15 и т. д.;

пос. Дальний: всего жителей 343 чел., из них русских – 60, аварцев – 178, цахуров – 27, табасаранцев – 15 и т. д.

Общее количество жителей по муниципальному образованию – 3512 чел., из них русских – 1351, аварцев – 1155, лакцев – 92, цахуров – 322, даргинцев – 154, табасаранцев – 81, кумыков – 53, лезгин – 58, армян – 69 и т. д.

Из этого перечня видно, что состав обосновавшихся на территории данного муниципального образования переселенцев пестрый в национальном отношении. Примечательно, что русское население выделяет среди них аварцев (в качестве отдельной «национальности» часто упоминаются «цумадинцы» и «цунтинцы», как последние переселенцы, плохо адаптировавшиеся в местном окружении и своим поведением вызывающие негативные реакции в последнем) и даргинцев (большей частью, объединяя с ними лакцев и представителей народов Южного Дагестана – цахуров, лезгин, табасаранцев и др., которые по суммарному числу могут даже превосходить даргинцев). По оценкам «националов», в их среде проявлений национализма в отношении русских, армян и других «старожилов»

³² См.: Карпов Ю. Ю. Ботлих: судьба горско-дагестанской общины в новейшее время // Этнографическое обозрение. 2007. № 6.

данной местности нет. Зато между собой (односельчан, соседей, представителей одной национальной группы) наблюдается открытое соперничество – кому удалось что-либо лучше сделать, кто удачливее и т. п.³³. По наблюдениям «аварцев», обосновавшихся здесь уже относительно давно, наиболее открыто это наблюдается среди цумадинцев и цунтинцев, т. е. недавних переселенцев. «В целом цумадинцы плохо образованы, они крестьяне, но работают очень хорошо, так же как и цунтинцы. Цумадинцы же и самые предприимчивые среди местных жителей». Здесь же отмечу, что в поселках муниципального образования, где среди населения преобладают горцы, в последние годы возводятся мечети, средства на которые выделяют сами жители. Об укоренении переселенцев первых переселенческих волн свидетельствует то, что они хоронят своих родственников на мусульманском кладбище в Кизляре, цумадинцы же и цунтинцы преимущественно отвозят тела умерших для захоронения на родину в горы³⁴.

Второй пример – селение Мал. Арешевка того же Кизлярского р-на. По состоянию на начало 2007 г. в этом населенном пункте 1521 житель. Из них: 705 аварцев, 210 русских, 543 даргинца, 6 кумыков, 12 лезгин, 12 чеченцев, 20 цыган, 3 белоруса, 10 лакцев. Во входящих в Малоарешевское муниципальное образование населенных пунктах Выше-Таловка и Келикент русских ныне считанные единицы (в первом 20 чел., при общем количестве жителей 746) либо вовсе нет (во втором, при более чем двух сотнях жителей). И это притом, что в середине 1980-х гг. в М. Арешевке жило всего с полдюжину «националов», работавших в местном колхозе специалистов с высшим и средним специальным образованием (информация от одного из них). Село (его в конце XVIII в. заложил помещик из Курской губ., перевезший сюда своих крепостных крестьян) в период функционирования колхоза, не было богатым, но «было очень чистеньким, улицы были выметены, дома побелены; по улицам росло много деревьев и на них вечерами всегда собиралась молодежь». Колхоз выращивал винные сорта винограда (его возили сдавать на винзаводы в Кизляр), в послевоенное время содержали 15 тыс. тонкорунных овец грозненской породы, разводили шелкопряда, в 1960-е гг. на осушенных болотах был заложен фруктовый сад, тогда же организовали рисовые чеки. Однако с тех же 1960-х гг. председатели колхоза регулярно менялись, что не способствовало укреплению хозяйства, а ко второй половине 1980-х гг. положение и вовсе стало незавидным. Тогда же в М. Арешевку стали переезжать для поселения горцы. Преимущественно это были выходцы из даргинских районов Дагестана и аварцы, вынужденные покинуть пределы Грузии.

Ныне даргинцы расселены на территории селения компактно – на части одной из улиц, которую местные жители называют Даргин-аул. Примеча-

³³ О данной характерной особенности социальной культуры дагестанских горцев подробнее см.: Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 188 и след.

³⁴ Полевой дневник экспедиции 2007 г. Л. 51об – 66об.

тельно, что переселившиеся в здешние места кварельские аварцы (реально, это бежтинцы и в меньшей степени дидойцы/цезы) принесли с собой опыт выращивания ранних овощей (огурцов, помидор) в приусадебных парниках (правда, они же, по словам русских старожилов, извели тутовник, который вырубил на дрова). Переселяющиеся в последние годы в М. Аршевку выходцы из Цунтинского р-на «аварцы» (цезы/дидойцы, и их земляки, с 1940-х гг. жившие в Чечне в ст. Бороздиновская, и несколько лет назад оказавшиеся беженцами) заложили новую улицу, неофициально называемую Цунтинской (даргинцы чужим не разрешают селиться в Даргин-ауле). Исход русского населения из данного и соседних с ним селений в первую очередь был связан с проблемами экономического характера – развалом колхоза (ныне агрофирмы), низкими заработками и т. п. Оставшееся русское население (порядка 60 хозяйств, из них только шесть это семьи, в которых есть дети, остальные – вдовы) сетуют на невоспитанность, «грубость» новопоселенцев (представители первой волны переселенцев уже «адаптировались» в местной среде) из-за чего на улицу, особенно вечерами, «выходить не хочется» – психологическая обстановка тяжелая (такая же, по словам членов педагогического коллектива, она и в школе). «Скота держат много, он везде ходит, забирается на участки... Им скот, конечно, нужен, нужно же чем-то питаться. Они [цунтинцы] раньше огородов совсем не имели; их научили сажать овощи те, кто приехал из Грузии... Когда дагестанцы покупают дом, сразу же начинают валить деревья. Я говорю своему новому соседу – зачем ты рубишь деревья, ведь дети поедят яблочко, абрикосы, и сам поешь, а он отвечает – построю сарай для скота»³⁵.

В 4 км от М. Аршевки расположено село Серебряковка. Оно довольно большое – порядка 200 хозяйств, русских в нем не осталось (последние выехали в 1989 г.). Нынешнее его население – выходцы из селения Гадир Цумадинского р-на (в этническом отношении – малый народ чамалалы, официально – аварцы) и их дети, и еще 3 хозяйства табасаранцев и 2 – лакцев. С 1944 по 1957 г. здешние гадиринцы жили в Чечне, в районе Шароя, затем вернулись в горы, хотя несколько хозяйств из Чечни переехало на Кизлярщину, в здешние места (гадиринцы живут еще в с. Нечаевка Кизилюртовского р-на, в с. Теречном Хасавюртовского р-на и в др. местах). Начало же массового переселения гадиринцев в Серебряковку относится к середине – второй половине 1970-х гг. Существовавший ранее совхоз «Цветковский» (в Серебряковке было его отделение) распался, жителям раздали по 2,4 га разнообразных земельных угодий. Ныне держат скот (не меньше 5–6 коров на хозяйство), сажают люцерну (на корм скоту, продавать не удастся), рис не выращивают, так как не осталось техники. По сравнению с М. Аршевкой Серебряковка отличается наличием больших кирпичных домов – уже достроенных или наполовину построенных – это владения тех, кто занимается рыбным промыслом, бра-

³⁵ Там же. Л. 67 – 79об.

коньерствует на Каспии. Подобное занятие приносит хорошие деньги, однако оно рискованное – кто гибнет от непогоды в море, кто от рыбнадзора и т. п. Поэтому-то недостроенные особняки – постоянная отличительная черта местного пейзажа. Хотя практически все жители Серебряковки выходцы из одного горного селения и их дети, однако тухумные связи (тухум – семейно-родственная группа) как таковые не сохраняются. *Годекана* (сельской площади, на которой в горных селениях мужчины проводят почти все свободное время) нет, «так как для мужчин здесь всегда имеется работа, не то, что в горах». «Кое-кто сохраняет за собой участки в горах, но не пользуется ими; в горах остались одни старики». В селе построена большая мечеть, мулла – молодой мужчина из местных; по пятницам ее посещают все – и старые, и молодые; когда распускали совхоз, то мечети выделили 20 га земельных угодий, полученное с них сено идет на продажу, вырученные средства расходуются на содержание мечети и денежное вознаграждение имаму³⁶. Настоящие примеры иллюстрируют положение дел в старых (и отчасти бывших) русских селениях равнинной зоны Дагестана. От частности возвращусь к общим сюжетам.

«Русский вопрос» для республиканского правительства в 1980-1990-е гг. стал одним из особо острых, и оно (в свое время коммунистическое, а ныне «демократический» его вариант) стремилось и стремится остановить выезд русского населения. Создан Координационный совет по Северному региону РД (в него включены города Кизляр и Южносухокумск, Кизлярский, Тарумовский и Ногайский р-ны), в задачи которого входит решение социально-экономических вопросов, связанных с жизнедеятельностью «коренного» населения этой части республики – русских и ногайцев. Примечательно, что, несмотря на существенные изменения демографической ситуации в Кизлярском р-не, где ныне русские уже не составляют большинства населения, республиканская власть старалась своими решениями закрепить руководящие посты за их представителями. Однако реалии оказались сложнее. В выборной кампании 2005 г. претендентами на районную власть значились два русских по национальности претендента, хотя за их фигурами, по оценке аналитика, стояли этнопартии даргинцев (во главе с тогдашним высшим должностным лицом республики, председателем Госсовета РД М. Магомедовым) и аварцев (оппозиционный «Северный альянс» – группа авторитетных депутатов республиканского парламента и глав районов и городов северного региона Дагестана аварской национальности)³⁷.

Через непродолжительное время и после различного рода политических конфликтов и пертурбаций в районе состоялись новые выборы главы местной администрации, в результате которых ее возглавил выходец из

³⁶ Там же. Л. 80-83.

³⁷ Кисриев Э. Ф. Дагестан // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. 2005 г. / Под ред. В. Тишкова, Е. Филиповой. М., 2006. С. 199-200.

Цумадинского («аварского») р-на Дагестана Муртазалиев Сагид Магомедович (1974 г. р.) – неоднократный призер чемпионатов Европы и мира, победитель Олимпийских игр 2000 г. по вольной борьбе. Незадолго до этого, в 2003 г. он был избран депутатом Народного собрания Республики Дагестан по Кизлярскому округу. А в марте 2006 г. «кизлярский электорат совершил прямо-таки революционный выбор – передал бразды правления аварцу, спустившемуся с олимпийских вершин для того, чтобы своими тренированными в борцовском зале руками разгрести завалы бесхозяйственности, доставшиеся ему в „наследство“»³⁸. Сагид Муртазалиев «поделил власть» (жителями г. Кизляр и соответствующего района это воспринимается именно так) с Вячеславом Степановичем Паламарчуком, который, как и прежде, возглавляет администрацию города Кизляр.

Впрочем, в формулировке о «революционном выборе» местного электората стоит обратить внимание на то, что современный электорат района далеко не тот, что был ранее. Реалии изменились и от них не уйти. Кроме того, как говорят жители района (насколько им здесь можно доверять, вопрос особый, однако для этнографов «слухи» и «общественное мнение» информативны), деньги у Сагида Муртазалиева появились после победы на Олимпиаде (и вообще это событие оказало благотворное воздействие на его имидж), в дальнейшем он увеличил личный капитал, организовав бизнес, так что выборную кампанию ему было на что проводить. На новой должности Сагид проявил себя деловым в хорошем смысле человеком, хотя далеко не все предвыборные обещания исполняет, объясняя это тем, что все претенденты на власть обещают больше реально осуществимого. В итоге о нем говорят: «Он – бандит, но у власти все бандиты, а этот хоть что-то делает, так что я буду голосовать за него».

Как в целом ни оценивать причины, ход развития и последствия демографических изменений (в первую очередь, имея в виду географию размещения населения), которые происходили в Дагестане, начиная с 1930-х гг., и особенно в последние 15-20 лет, очевидно, что они явились выражением известного в мировой практике явления, которое географы называют «сползанием горцев на равнину»³⁹. В настоящем случае (равно как на Северном Кавказе в целом, и в Грузии) условно естественный порядок его развития был изменен и ускорен сторонней силой в лице Российского и пришедшего ему на смену Советского государства.

При развитии подобного явления в широкомасштабное взаимодействие вступают большие группы людей (вариант – народы), которые обычно придерживаются разной хозяйственной специализации, а нередко принадлежат к различным моделям культуры. Очевидно, что при торпедирова-

³⁸ Расписание на завтра // Триумф аркада – http://vvctriark.ru/2007/06/08/-raspisanie_na_zavtra.html.

³⁹ Ковалевский В. Г. Культурно-географическая и биологическая роль горных районов // Природа. 1931. № 2. С. 167.; Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988.

нии такого взаимодействия контактирующие группы могут оказываться в состоянии конфликта. Что в данном плане наблюдалось в Дагестане?

Комплекс хозяйственной деятельности местных горцев включал в себя в качестве равноценных составляющих земледелие и скотоводство. При этом, что в поздний исторический период основные доходы населения высокогорий и ряда горных районов обеспечивало животноводство, однако главным видом хозяйственной деятельности их жителей оставалось земледелие, сохранявшее престижное значение⁴⁰. Даже прикутанное хозяйство, основной целью создания которых было обеспечение горных колхозов и совхозов сезонными пастбищами, становились многоотраслевыми хозяйствами – со значительными площадями посевов зерновых, кормовых, овощных культур, молочно-товарными фермами и т. д. – и, вместе с тем, нередко более рентабельными, нежели их горные материнские структуры⁴¹. В целом, экономическая деятельность переселенцев, с внесением поправки на ее изменения в условиях технического перевооружения сельскохозяйственного производства, его планового характера при советском строе и т. п., продолжала линию комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйствования, издавна присущего как горцам, так и жителям равнины – кумыкам и русским. Поэтому нет оснований говорить, что между новыми и старыми группами населения равнинной зоны неизбежен был конфликт культур (в широком смысле слова, но с подчеркиванием хозяйственной его составляющей). Однако конфликт имел и имеет место быть, и появился он на почве прав распоряжения земельными угодьями, в результате предоставления помощи переселенцам, а также психологического фактора, который отчетливо воспринимается и «переживается», в частности, русским старожильческим населением, о чем говорилось чуть выше. Такой конфликт в известном смысле носит системный характер.

В равнинной зоне Дагестана помимо кумыков и русских проживают ногайцы, территория традиционного расселения которых тоже оказалась напрямую задействованной в новую модель экономической жизнедеятельности республики, и это имело для ногайцев негативные последствия. Если в 1926 г. Ногайский р-н был почти мононациональным, то на рубеже 1970–1980-х гг. даргинцы стали вторым по величине компонентом его народонаселения. Тогда же даргинцы составляли значительный процент населения Бабаюртовского, Кизлярского, Хасавюртовского, Кизилюртовского и Тарумовского р-нов, хотя в первой четверти XX в. там не было ни одного даргинского поселения⁴². Согласно данным переписи 2002 г., даргинцы составляют значительный процент населения Ставропольского края

⁴⁰ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). С. 95, 111.

⁴¹ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М., 2002. С. 85 и след.

⁴² Традиционное и новое. С. 31-32.

(40,2 тыс. чел., четвертая позиция в реестре национального состава края), Республики Калмыкия (7,3 тыс. чел., третья позиция), Ростовской (6,7 тыс. чел.) и Волгоградской областей (2,6 тыс. чел.), количественно превосходя, и часто намного, проживающих там же представителей других титульных народов Дагестана. И это только даргинцы, проживающие там постоянно. А еще значительно количество лиц, прибывающих туда на заработки. Основным занятием даргинцев, проживающих в степных районах Северного Кавказа, преимущественно является выпас мелкого рогатого скота. По оценке представителя ногайского общественного движения, «в низменной части республики (Дагестан. – Ю. К.) и в соседнем Ставропольском крае, – где есть возможность развития овцеводства, – живут даргинцы, аварцы “идут по трассе” – обосновываются в поселках, лежащих при дорогах, организуют бизнес: торговлю, ремонтные и проч. мастерские».

Отгонная система выпаса МРС складывалась в Дагестане веками, а в советское время приобрела особо значительные масштабы и по-своему отлаженный порядок за счет обеспечения ее функционирования пастбищами равнинной зоны РД (Ногайская степь, Кизлярская зона), а также пастбищных зон Калмыкии, Ставропольского края, республик Грузия и Азербайджан. Она и в настоящее время остается приоритетной в экономике Дагестана, правда, теперь с исключением из нее ныне иностранных территорий. Однако для природных ресурсов земель, ставших ее базой, она во многом пагубна. Реалии последних лет – избыточная нагрузка на пастбища Ногайской степи (а также Калмыкии), ибо на них сейчас круглогодично выпасается скот, ранее перегонявшийся туда только на зимний период. Количество выпасаемого скота превышает 70-80 тыс. голов МРС и лошадей. В республиканском (Дагестан) ведении землями отгонного скотоводства находится 558077 тыс. га пастбищ из общего количества таковых в Ногайском р-не 750 202 тыс. га, т. е. порядка 75% последних. Нормы выпаса в ряде случаев превышаются в 4 раза⁴³. В то же время, почти половина летних горных пастбищ остается неиспользованной. В результате, значительная часть степных пастбищ подвержена ветровой эрозии, что создает предпосылки для прогрессирования их опустынивания, а это негативным образом сказывается на хозяйственной деятельности и в целом жизни ногайского населения.

Представители ногайских общественных организаций говорят: «В районе сейчас такое положение, что “своим” негде пасти – все “отгонники”. Горцы предприимчивые, трудолюбивые, они максимально эксплуатируют Ногайскую степь. К этому добавляются и этому способствуют их клановые связи и доступ к финансам... На теневом рынке кошара (постройки для жилья людей и содержания скота, плюс 1 тыс. га пастбищ) стоит 400 – 600 тыс. руб. Правительство республики забирает у района деньги, а в районе

⁴³ Информация предоставлена зав. Отдела защиты окружающей среды администрации Ногайского р-на РД Манкаевой А. Б.

600 кошар – прекрасные условия для теневой экономики... Мы согласны, чтобы горные районы выпасали свой скот на территории [нашего] района, но пусть они берут пастбища в аренду, деньги за пользование пастбищами должны поступать в актив района. Однако правительство республики на это принципиально не соглашается... В настоящее время земли отгонного скотоводства зажали со всех сторон ногайские земли (т. е. земли, оставшиеся в распоряжении хозяйств населенных пунктов ногайцев. – Ю. К.). А политику в Дагестане вершат те, у кого деньги. Десять лет назад в Дагестане было 105 банков (тогда же в Москве их было 110), и владели ими аварцы и даргинцы. Они – горцы – и делают политику в Дагестане»⁴⁴.

Ногайцы сетуют на нещадную эксплуатацию «горцами» доставшихся им от предков угодий, что превращает последние в пустыню. Представители же «горцев» с ухмылкой замечают, что ничего трагичного в Ногайской степи не происходит, а ногайцы, равно как и русские из сельских районов, не в пример им самим недостаточно деловиты.

В данной конфликтной ситуации явственно просматриваются как социокультурные, так и «национальные» составляющие. «Если действия будут развиваться по пути “дикой” приватизации, иного слова нет, – пишет лидер общественного движения ногайцев Дагестана Янгурчи Аджиев, – то ногайцы окажутся, в самом лучшем случае, в роли наемной силы... При некотором улучшении положения одних народов, непременно наступает ухудшение положения других народов, ущемленных в своих правах, территориальных владениях или формах государственного устройства... Все это... возмутительно для национального самосознания ногайцев, не признающих насильственного отчуждения пастбищ на территории бывших родовых аулов, которыми испокон веков пользовались наши предки»⁴⁵.

То, что в данной речи на первом плане оказываются «народы», более чем естественно, ибо в советское время субъектами социальных и политических отношений в Дагестане (как и в стране в целом) стали именно «народы»/«нации». Именно между ними в ту пору стали «делиться» земли/территории, они были признаны обладателями прав на нее, и на ту или иную долю власти в республике. Дагестан же, как со стороны центра, так и местной властью воспринимался «страной» «горцев», к которой были присоединены (и потому являлись лишь необходимым дополнением) земли на равнине, необходимые именно *горцам* (так как организация выпаса скота ногайцев не предполагала включения в нее горных пастбищ).

Подобные очевидные издержки системы отгонного животноводства иногда соотносят с экспансией скотоводов, читай, кочевников, по отноше-

⁴⁴ Полевой дневник экспедиции 2006 г. Л. 61об – 63об, 67-68; о схожей ситуации за пятнадцать лет до этого см. – Калиновская К. П., Марков Г. Е. Ногайцы – проблемы национальных отношений и культуры // СЭ. 1993. № 2.

⁴⁵ Аджиев Я. Этнокультурная, этносоциальная ситуации и экономические проблемы ногайского этноса в Республике Дагестан. Машинопись (предоставлена автором).

нию к земледельцам⁴⁶. Однако современное положение в Дагестане не сводимо к подобной оценке. Принимая в расчет характерные черты традиционной культуры горцев, а также имевшие место в XX в. изменения общественной среды, разноплановые трансформации, произошедшие в положении горцев и в их отношениях с соседями, конфликтную ситуацию нельзя упрощать до такой модели. «Скотоводами» горцы могут расцениваться лишь по отношению к русскому населению, в том числе Ставрополья, и к кумыкам, издавна основному населению равнинной зоны Дагестана, и то, с изрядной долей условности; в отношении же ногайцев и калмыков – населения соседней республики, *горцы* только конкуренты в аналогичной направленности эксплуатации земель. Но, вместе с тем, социокультурный аспект «экспансии» *горцев* достаточно очевиден.

При его оценке необходимо уделять должное внимание такой характерной черте горской культуры, как солидарность представителей данной общественной среды, начиная от клановой (*тухумной*) до общинной (*джамаатской*) и субэтнической (ибо переселенцы группируются в новых местах расселения, как правило, по сельским обществам и районам выхода, и поэтому правильнее вести речь не столько о даргинцах или аварцах как таковых, сколько о выходцах из тех или иных районов этнической территории расселения данных народов либо о представителях народов малых). Солидарность определила динамику и масштабность миграции населения, которая в последние полтора-два десятка лет происходит не по государственным планам, а по логике приобретенного изрядный собственный потенциал развития. Здесь же необходимо учитывать и такие характерные черты местной культуры как особую ответственность и заботу глав семейств о благополучии собственного дома, т. е. семьи и хозяйства (исходящие не в последнюю очередь из соображений престижа и «соревнования»), что обуславливает свойственную горцам предприимчивость. На ее фоне, подкрепляемом многоуровневой солидарностью переселенцев, деловая «предприимчивость» представителей иных культурных традиций, тех же ногайцев, кумыков⁴⁷, русских, обычно оказывается на порядок менее результа-

⁴⁶ Узунаев Б. Месть Авеля // Литературная Россия. 2005. № 10.

⁴⁷ Здесь в дополнение к приведенным в основном тексте примерам о «большой и лучшей предприимчивости» горцев по сравнению с русскими и ногайцами, приведу пример Старого и Нового Костека – селений расположенных в Кизилюртовском р-не. Старый Костек – известное с давних пор некогда большое кумыкское селение. По соседству с ним в конце 1950-х гг. образовалось поселение даргинцев, переселившихся из Чечни, ныне называемое Новым Костеком. С теми даргинцами костековцы жили без особых проблем, переселенцы занимались овцеводством, выделыванием шкурок, из которых шили шапки. Но с даргинцами, которые стали массово переселяться в Костек после 1983 г. отношения не складываются: «Они уж очень предприимчивые», и живут, по оценкам жителей Ст. Костека – кумыков, во много раз лучше их самих. На этой почве и по конкретным поводам (в частности, где располагаться рынку) возникают конфликты. – Полевой дневник экспедиции 2007 г. Л. 39 – 40об.

тивной. Необходимо учитывать и характерную для горско-кавказской культуры мобилизованность общественной среды, при которой даже неорганизованный кем-либо процесс, в частности, то же переселение на плоскость, приобретает вполне организованные формы, благодаря чему переселенцам, как правило, удается достаточно успешно обустроиться на новых территориях, в том числе, тесня или вытесняя старожильческое население. В подобных ситуациях на групповом уровне проявляются те особенности местной культуры, в соответствии с которыми *горец* – представитель конкретной социокультурной среды и традиции, – позиционирует себя пребывающим на границе сдерживаемой внутренней силы и агрессивности. В свою очередь, канонизируемое, например, в русской культуре миролюбие не вписывается в уклад горской культуры, в нем усматривается нежелание борьбы, и, следовательно, слабость носителя таких психологических черт⁴⁸.

Поэтому, в целом, можно говорить о проявлениях конфликта социокультурного порядка, ибо в широкомасштабный контакт вошли представители разных общественных моделей и культур. Различие системы общественных связей и через это – культур, по большому счету, сводится к уровню поддержания внутригрупповой солидарности и мобилизации. Высокий уровень того и другого в среде горцев обусловлен их социальным опытом в рамках системы функционирования сельской общины. Эта система веками совершенствовала механизмы обеспечения указанных собственных параметров и свойств и тем самым достигала завидной целостности и прочности. В населенных пунктах горцев-переселенцев общинная система в общих и главных чертах восстанавливалась (хотя там фигурировали колхозы и совхозы, однако социальный опыт обуславливал то, что они становились и были структурами, функционально близкими общине). Принципы и механизмы жизнедеятельности общины воспроизводились и в прикутаных хозяйствах, тем более что в большинстве случаев их связи с материнскими структурами в горах не разрывались. Даже в случае неорганизованного переселения семьями или иными малыми группами в населенные пункты равнинной зоны, где переселенцы оказывались среди незнакомых, но объединенных общей судьбой людей, тоже начинали действовать отмеченные механизмы солидарности и мобилизации. Население, в которое вливались горцы-мигранты, не обладало подобным социальным опытом. В первую очередь, это относится к русскому населению Тарумовского и Кизлярского р-нов, в котором казачество не составляло большинства, а в основном оно формировалось из крестьян – выходцев из внутренних областей России.

Специфика традиционного социального опыта ногайцев, который, к тому же, был существенно скорректирован в XIX-XX вв. российским государством и его правопреемниками, а само этническое образование разделено на несколько частей (в советский период территория расселения карагайцев оказалась разделенной между Дагестаном, Ставропольским кра-

⁴⁸ Цуциев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. Ч. 2. С. 51.

ем и Чечено-Ингушетией, другая часть ногайского этноса проживает в Карачаево-Черкесии), наконец, протекционистская политика дагестанских республиканских властей в отношении системы отгонного скотоводства, в которой Ногайской степи была отведена роль сырьевой базы, предопределили неспособность и неготовность ногайской общественной среды своевременно мобилизоваться для отстаивания собственных прав и интересов.

Четкая и жесткая позиция государственных органов различного уровня в отношении переселения горцев на равнинные земли в свое время обусловила социальную инертность кумыкского населения, которое открыто поставило вопрос о собственных правах на территории уже только в период перестройки. В итоге этнодемографическая, и, можно сказать, социокультурная обстановка в равнинной зоне Дагестана и на сопредельных территориях за последние десятилетия приобрела новые по сравнению с первой третью XX в. очертания.

Очевидно стремление горцев-переселенцев в полной мере укорениться в равнинных районах республики. До сих пор жителям поселков так называемых прикутаных хозяйств, а это порядка 200 населенных пунктов, было запрещено административно оформлять там свое пребывание, все они числятся среди постоянных жителей горных селений, и подобные населенные пункты не имеют сельских администраций. Правда, прецеденты приобретения последними официального статуса в последние годы появились, и значит, «процесс пошел».

Посылки к дальнейшему расширению зоны «освоения» «горцами» степных районов Предкавказья видны в нынешнем активном их сезонном отходничестве в Ставропольский край, в Ростовскую область. Демографическая ситуация и реальная массовая безработица в республике дополнительно стимулируют предпринимательскую активность дагестанцев, которая при некоторой сравнительной инертности в том же плане основного населения указанных областей может привести к значительным трансформациям их облика, в том числе по национальному составу населения (по некоторым данным, численность дагестанцев в восточных районах Ставрополя достигает 100 тыс. чел., одновременно наблюдается расширение географии миграций – в центральные и западные районы края; помимо роста числа дагестанцев в Ставрополе и в Ростовской области в последние годы там фиксируется, в частности среди даргинцев, изменение ориентации мигрантов с сельской местности на города)⁴⁹.

Процесс «сползания горцев на равнину», заявивший о себе несколько веков назад, а в XX в. стимулированный государством, уже дал результаты и продолжает развиваться достаточно мощно. Он не является собственно «национальной стратегией» горцев Дагестана (равно как и других народов Северного Кавказа), его природа весьма сложная и многоплановая. Но данное явление должно учитываться в региональных стратегиях государства, и для этого исследоваться.

⁴⁹ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 181.